

Глава 27. Откровенность

Увидев, как Чи Шэн, не мигая, уставился на кусок утятин, Линь Фэйсянь подцепил его палочками и переложил в миску ученика.

— Ешь, — коротко бросил он.

По правде говоря, повара в столовой готовили отменно. И хотя само это мясо вызывало у Чи Шэна почти физическое отторжение, он не мог не признать — пахло оно соблазнительно.

В том, что вкусная еда из чужих рук попадает в твою тарелку, не было ничего странного. Но когда за палочки брался Линь Фэйсянь — дело принимало совсем иной оборот.

Сегодняшнее поведение наставника выходило за рамки привычного, становясь до странности необъяснимым. Сначала он сам обернулся к нему на лестнице Чунъюнь-ти, затем пришёл в общую столовую и сел напротив. Теперь же Чи Шэн удостоился немислимых почестей: «утятины от Линь Фэйсяня» и «кубка с водой от него». Немногие в школе могли похвастаться подобным расположением Верховного старейшины.

Чи Шэн почувствовал, что его пытаются... задобрить. Уловив этот посыл, он осторожно спросил:

— У вас есть для меня какое-то поручение?

Линь Фэйсянь даже не поднял головы. Совершив ряд столь непривычных для себя действий, он сохранял прежнюю невозмутимость.

— Разве ты не говорил, что всё это время присматривал за моим садом?

Значит, это награда. С такой формулировкой принять происходящее было куда проще. Однако едва Чи Шэн успел вздохнуть с облегчением, как следующая фраза учителя вновь заставила его сердце ёкнуть.

— Впрочем, у меня действительно есть к тебе вопрос.

«А он хитер», — невольно подумал юноша.

— Слушаю вас.

Линь Фэйсянь слегка нахмурился, словно тщательно подбирая слова.

— Ты как-то обмолвился... Мы могли встречаться прежде. Говорил, что я спас тебя.

Рука, собиравшаяся было ткнуть палочкой в кусок утки, замерла. Чи Шэн не ожидал, что учитель заговорит об этом так внезапно. Он лишь глухо подтвердил:

— Да.

Линь Фэйсянь поднял взгляд. Чи Шэн, стараясь не смотреть ему в глаза, спрятал руки под стол и сжал кулаки.

Вдоволь налюбовавшись его смятением, наставник неспешно продолжил:

— Твой нынешний облик... Ты всегда выглядел именно так?

Чи Шэн был на грани паники:

— М-м... Да.

Перед Линь Фэйсянем стояла чаша с ледяной водой. Его длинные, изящные пальцы — настоящая работа мастера — медленно и бездумно вращали её, вторя ритму неспешной беседы.

Трапеза превратилась для Чи Шэна в пытку — еда казалась безвкусной, словно сухая трава. Лишь когда они покинули столовую и вышли на изящный каменный мост, укрытый сенью лесных деревьев, Линь Фэйсянь заговорил снова.

— Когда-то... я утратил часть своих воспоминаний, — произнёс он.

Чи Шэн резко остановился:

— Что?..

— Период моей юности. Люди, с которыми я встречался, события, через которые прошёл... — Учитель говорил медленно, вытягивая слова из глубины памяти. — Я ничего не помню. Совсем.

Утки любят тепло и покой, а потому Чи Шэн ненавидел холодную воду, особенно — бушующую ледяную пучину. Сейчас у него возникло чувство, будто его с головой накрыло ледяной волной. Несмотря на лучи полуденного солнца, юноша невольно вздрогнул.

Он всегда верил, что Линь Фэйсянь — его спаситель. Он думал, что наставник просто «позабыл». Но «не помнить подробностей» и «забыть всё без остатка» — вещи совершенно

разные.

— Я пытался восстановить прошлое, но видел лишь обрывки во снах, — Линь Фэйсянь обернулся, в упор глядя на ученика. — И в этих обрывках был ты.

— Я? — Чи Шэну стало трудно дышать.

— Скажем так... некто очень похожий. Есть отличия от того, как ты выглядишь сейчас. — Голос Фэйсяня звучал ровно. — Если тебе что-то известно, я хотел бы знать. Включая тайну тех четырёх слов на мече Сюэ Ша.

Чи Шэн покачал головой. Он и сам не знал. Кроме того, что Линь Фэйсянь — его благодетель, в его памяти не осталось ничего ценного. Лишь эта единственная нить, связующая их души, которую невозможно разорвать. И помнить об этом было суждено ему одному.

Наставник не получил ответа. В молчании они двинулись дальше по мосту, пока Чи Шэн не заметил, что с учителем что-то не так.

Он бросился вперёд, подхватывая едва не рухнувшего наставника. Увидев его бледное лицо и затуманенный взгляд, Чи Шэн в ужасе воскликнул:

— Учитель?!

Линь Фэйсянь, теряя силы, привалился к перилам и медленно сполз вниз. Он судорожно вцепился в одежду на груди, из горла вырвался приглушённый стон боли.

Чи Шэн принялся растирать ему спину, пытаясь, как учили на уроках акупунктуры, унять бушующие в теле потоки энергии.

— Это снова из-за меча Чжу Се?

Линь Фэйсянь не ответил, лишь выдохнул:

— Помоги мне добраться... туда...

Чи Шэн перенёс его под сень огромного баньяна у края моста, позволяя учителю в тишине восстановить дыхание.

Чтобы сдерживать мощь Чжу Се собственным духом, приходилось буквально латать бездонную пропасть своей плотью и кровью. Откат за использование меча был бесконечным — тело Линь Фэйсяня могло дать сбой в любой момент. И лишь сейчас до Чи Шэна дошёл истинный

масштаб этой жертвы.

Он уже собирался позвать на помощь, но ледяные пальцы наставника внезапно сомкнулись на его запястье. Холод ладони, казалось, пришёл из самых глубоких подземелий. Чи Шэн обернулся и встретился с его чистым, пронзительным взглядом, в уголках которого от невыносимой боли проступила влажная краснота.

— Не зови никого, — приказал он.

Уроки были в самом разгаре, и вокруг почти не было учеников. Место, где они укрылись, было надёжно спрятано от чужих глаз. Линь Фэйсянь сосредоточенно зажал несколько ключевых точек на своём теле и замер в медитации. На его лбу выступили крупные капли пота.

Чи Шэн, немного помедлив, осторожно приподнял край своего рукава и принялся бережно промакивать пот с лица наставника. Линь Фэйсянь не отстранился.

Воцарилась странная, звенящая тишина. Один неподвижно сидел, другой — заморожённо наблюдал. Свет, пробивавшийся сквозь густую листву, ложился бликами на плечи учителя, смывая его привычную холодную отстранённость и делая его образ более живым, земным.

Чи Шэн смотрел на него, и на мгновение ему почудилось, что если бы время замерло вот так — это было бы величайшим счастьем.

Спустя четверть часа дыхание наставника выровнялось. Сплюнув сгусток тёмной крови, он заметно пришёл в себя. Чи Шэн, встревоженно окликнув его, достал из магической сумки пилюлю — одну из своих лучших таблеток для восполнения энергии — и протянул ему.

Линь Фэйсянь принял лекарство. Спустя минуту он тяжело выдохнул:

—... Всё в порядке. Сегодня у меня нет для тебя поручений. Можешь идти.

Он поднялся, пошатываясь, и заставил себя сделать твёрдый шаг.

Глядя ему в спину, Чи Шэн не выдержал:

— Неужели с мечом Чжу Се... совсем ничего нельзя сделать?

Линь Фэйсянь остановился, обернулся, но о мече не сказал ни слова.

— Сегодня вечером упражняйся на своём инструменте. Завтра я проверю успехи.

С этими словами он ушёл.

Чи Шэн поклонился, принимая приказ, но в голове его уже зрел план.

До спуска с горы у Линь Фэйсяня не было признаков столь тяжёлой отдачи. Но стоило ему вернуться из странствия, как раны стали глубже, дух — слабее, а приступы — всё чаще.

Могли ли за время его отсутствия что-то сделать с мечом?

В голове Чи Шэна мгновенно всплыло одно имя.

Пока он предавался раздумьям, его запястье пронзила резкая вибрация. Юноша опустил взгляд: магический браслет с духовным камнем, подаренный Ли Ло для обнаружения демонических спор, мелко дрожал.

Тот самый браслет, который молчал больше месяца — так долго, что Чи Шэн почти забыл о нём. Почему же он среагировал именно сейчас?

Юноша огляделся, но вокруг не было ни заражённых, ни просто случайных прохожих. «Не я же сам заразился», — подумал он, решив, что артефакт попросту барахлит. В следующую секунду камень так же внезапно утих, словно ничего и не было.

Это было странно, но, не заметив прямой угрозы, Чи Шэн переключился на более насущный вопрос. Чтобы докопаться до истины, ему нужно было найти одного человека.

На следующий день, в полдень, Чи Шэн подкараулил у обрыва Юнья молодого господина Гунъи Лина, который только что закончил занятия.

— Идём в столовую, — просто сказал Чи Шэн.

Последний раз они обедали вместе ещё до похода в мир людей. Обычно «молодой господин» сам искал повода встретиться, чтобы отыграть проигранное пари, и нынешний напор Чи Шэна его изрядно удивил.

Гунъи Лин совершенно не понимал, что происходит, но марку держать старался. Задрив подбородок, он надменно фыркнул:

— Хм!

Хотя внутри он ликовал и, не мешкая, разогнал свою свиту.

— Ну и ну, — раздался за спиной Чи Шэна голос Ли Сюня. Тот возник словно из ниоткуда и похозяйски обхватил друга за шею, едва ли не притиснувшись щекой к его лицу, и тут же ехидно подколот аристократа: — Какая честь! Сам молодой господин Гунъи соизволил снизойти до трапезы с нами, простыми смертными? Ох, боюсь, я не достоин такой милости.

Гунъи Лин не остался в долгу:

— Сгинь с глаз моих! Не нравится — не лезь!

Ли Сюнь и ухом не повёл, продолжая тискать Чи Шэна:

— Утёнок, ну почему ты стал таким милашкой? Я так скучал!

Чи Шэн почувствовал, что начинает задыхаться, и лишь спокойный голос Ли Ло заставил Ли Сюня угомониться.

Нехотя отпустив друга, Ли Сюнь рассмеялся:

— Когда меня не было в школе, брат Ли Ло говорил, что ты «сменил оперение» и изменился до неузнаваемости. Я не верил, но теперь вижу — чистая правда! Ну, колись, как тебе это удалось? Научи и меня!

Ли Ло мягко улыбнулся:

— Не позорься, веди себя прилично.

Гунъи Лин возмутился:

— Эй, вы! Вы что, решили меня игнорировать?!

Шумная перепалка не стихала до самой столовой. Ли Сюнь и Гунъи Лин наперебой рассказывали о чудесах и опасностях, встреченных ими во время странствия, отчаянно жестикулируя и стараясь перещеголять друг друга в красочности описаний.

Из их рассказов Чи Шэн постепенно складывал картину того, что называлось практикой в мире людей. Обычно школа Даньлин получала просьбы о помощи от мирян: где-то вспыхнула хворь, где-то разбушевался дух. Наставник вёл учеников на место, и борьба с нечистью, бывшая для заклинателей пустяком, служила им лучшей школой.

Божественный континент Цзюньин за сотни лет междоусобиц наконец обрёл хрупкое единство под властью одной империи. Политически в мире царил порядок, но в мире заклинателей всё было иначе. Множество сект и кланов процветали, и каждый из них, подражая монархам прошлого, стремился к единоличному господству.

Мир бессмертных был разобщён слишком долго. Мастера, наделённые великой силой, стали слишком открыто вмешиваться в дела смертных, считая своё превосходство естественным правом. Это неминуемо несло простым людям новые беды. Светская власть не смела перечить заклинателям, а те не лезли в дела трона — до тех пор, пока их интересы не пересекались. Лишь те, кто шёл по пути Дао, могли защитить народ от магических угроз. И Линь Фэйсянь в этот раз водил учеников именно для того, чтобы приструнить одну из таких обнаглевших банд, терроризировавших округу.

<http://bllate.org/book/17515/1659582>